

Филимон Грач

ЛОГОЗДВР

– ИМЯ СОБСТВЕННОЕ

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

Чертово колесо

Филимон Грач

Логозавр – имя собственное

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Грач Ф.

Логозавр – имя собственное / Ф. Грач — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Чертово колесо)

Трилогия "Чертово колесо" во многом автобиографична, хотя и написана в жанре галлюцинаторной реальности. Поиском смысла жизни В книге заняты практически все: это и бывший мурманский моряк Клещанский Вадим Викторович («Клещ»), который по молодости лет загремел на нары за фарцовку, а когда вышел по УДО, то тут же попал в новый переплёт, но уже с более «приятными» для себя последствиями, поскольку, уж лучше быть «гражданским спецназом» и принадлежать к так называемой туристической элите «путешественников класса «А», с перспективой посмертной реабилитации, чем носить пожизненно клеймо бывшего зека и ни иметь ни работы, ни денег, ни друзей. Занят поиском смысла жизни и его коллега «по цеху», громила Иван Гарантович («Гарант»), прямая противоположность ему и почти «дубликат» Сергея Воронцова. Также мучается этим вопросом и молодой прототип Дембель, который вместо того, чтобы после окончания службы в Советской Армии вернуться домой и сесть за праздничный стол, вынужден безвылазно бродить в лабиринте снов, попадая из одной передрыги в другую...

© Грач Ф.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Филимон Грач

Логозавр – имя собственное

Книга 2

Глава 1

Начало конца

Среди знакомых и сослуживцев Семён Петрович Альфади слыл преуспевающим человеком. Слава Богу, времена горбачёвских «перестроек» и ельциновских «стабилизационных периодов» миновали и теперь можно было с осторожным оптимизмом заглянуть в своё недалёкое светлое будущее. Как сложилось, так сложилось; грех жаловаться – в начале 90х все начинали в равных условиях вопиющего неравенства. Тогда подковёрные баталии в коридорах власти нередко находили своё продолжение в откровенных уличных перестрелках, на деле являясь голимым уголовным беспределом. Кумирами тогдашних российских пацанов становились доморощенные киллеры в глубоко нахлобученных на глаза чёрных вязанных шапочках. Впрочем, эти самые синие или чёрные шапочки довольно скоро превращались в красные – от собственной же крови, только пролитой уже другими, шедшими за ними следом. Революция всегда пожирала своих детей. Тогда, в 90х, по России словно вновь прокатилось Красное Колесо террора. Поэтому и проиграли все те, кто оказался на острие атаки, а выжили другие – кто вовремя вышел из «тени падающего дерева». Возможно, что своим стремительным ростом в политике Альфади и был обязан кому-то из друзей, но только делалось это ими всегда крайне деликатно, без того особо пагубного рвения, когда, как принято считать, оно становится строительным материалом для известных мостовых, ведущих в ад. Это позже придут матёрые политтехнологи и причешут современных политиков как следует, но тогда, на заре становления «рыночной демократии»... Возможно, что и были допущены некоторые ошибки... Возможно...

– «Эх, Петрович!» – мысленно обратившись к прошлому, генерал тяжело вздохнул.

– Всё скорбишь?

– Лида?

Жена стояла в дверях, держа сковородку в руке жаровней вниз, будто у неё вместо ручки был хвост на самом деле. Альфади привлёк жену к себе и нежно обнял её за талию, Лида наклонилась, показывая пальчиком упёртым в щёчку; – «Целуй!»

– Колька...

– Носится где-то! – томно вздохнув, Лида присела рядышком на подлокотник кресла, пола её тонкого шёлкового халатика слегка распахнулась, обнажив крепкое ещё загорелое бедро.

– Лид, да, брось ты эту сковородку!

– Ужинал?

– Извини, я не слышал как ты пришла!

– Хочешь, я приготовлю что-нибудь?

– «У меня красивая жена!» подумал он; – нет, Лидок! Спасибо! Я был...

– Так я приготовлю? – Лида положила сковородку на пол, обняла его левой рукой за шею, а свою правую ладонь игриво подсунула под предплечье, Семён Петрович ощутил, как у него что-то сладко сжалось внутри. «Сколько они не были вместе? Две недели? Месяц? Проклятая работа!» – Альфади виновато посмотрел на жену;

– Представляешь, послезавтра наша делегация вылетает в Швейцарию! Кантон Гривон, «понимаешь»! – он улыбнулся, надеясь, что расхожая пародия на первого президента России возымеет на жену благотворное действие.

– Хочешь яичницу?

– Лида! Мы могли бы содержать прислугу! Я не раз говорил тебе об этом!

– Не надо, Семён. Я, ведь, всё понимаю...

– Не злись, прошу тебя! Помнишь анекдот? – Альфади принялся гладить жену по предплечью, но Лида аккуратно высвободилась из его объятий и поспешила к выходу;

– Я пойду! Скоро Колька придёт. Кормить надо...

– «Она права! Где политика, и где интимные сферы! Хорошо ещё, что не в тридцать седьмом живём! А, ведь, казалось – всё, прошло то время, когда он, вояка проклятый, не жалея живота своего, старался для жизни! Теперь, вон, жизнь за него старается, система работает, как мотор! А ведь прошло всего ничего, каких-то двадцать пять лет? Подмостки Великого Театра! Лицедейство, но какое! Мороз по коже! – Альфади встал, стал нервно ходить по кабинету; – прыщи, юношеский фимоз – всё вздор! Скольких уж рядом нет! Лучше были его, веселее, и не смогли дожить до седины! «До-се-дин»... – генерал подошёл к зеркалу, в задумчивости коснулся тыльной стороны ладони небритых щёк, носа, подбородка... «Сига-сига!» Вот, именно! Сига-сига! Ведь, он грек, хоть и обрусевший давно и бесповоротно. «Сэмэн», как его звали когда-то, правда повзрослел значительно раньше своих сверстников. Была ли тому

виной горячая кровь его доблестных предков, или рано проявивший себя талант всегда оказываться в нужном месте и в нужное время? «Не дожили до седины»... Сначала непритязательные роли в масовках, кровь, война, потери, но понемногу начали приходить и характерные роли. Он помнит это. Чего, к примеру, стоил ряд блестящих военных операций, выполненных их диверсионной группой далеко за пределами Советского Союза? Гриф «секретно», как кукиш под нос! Генерал подошёл к секретеру, выдвинул знакомую шуфлядку, в маленькой сафьяновой коробочке, как всегда открытой настежь, тускло мерцал орден «Красной Звезды», от его тёмно-вишнёвых лучей исходил покой, расслабленность, орден словно говорил ему: – «Всё! Хватит!» Генерал всегда открывал эту шуфлядку, словно боялся утратить связь с чем-то цельным, настоящим в жизни. А по сути, он остался ребёнком, который гордится дорогой безделушкой, найденной им у себя во дворе. Сегодня пришло время закрыть маленькую сафьяновую коробочку. У взрослых дяденек тоже полно разных игрушек, только они гораздо опаснее тех, из детства. «Хреново, ж, быть мудрецом!» – Альфади сдержанно улыбнулся и прошёл к столу, где рядом с большим письменным прибором стояла массивная бронзовая пепельница, а в пепельнице лежала пачка сигарет – ещё одна игрушка, и тоже опасная. Генерал посмотрел на дверь и опять усмехнулся, представив, как раздосадует сейчас жена, узнав, что боевой генерал, оказывается, не умеет держать слова. Раньше Альфади правда не задумывался о вечности. Ни тогда, когда сам убивал, ни когда его убивали. Словом, то была война, а война, как мафия – бессмертна! Она приползла за ним сюда, в обжитую Москву по длинному окровавленному следу, оставленному им на горячем афганском песке, и позже на талом чеченском снегу. Война-беда; не сумев забрать его тело, она вернулась за его душой. За раненой душой. Жизнь и так коротка, но война значительно укорачивает её. Живя в повседневной суете, мы часто думаем, что правы, когда цепляемся за жизнь ценою сторонних жертв. Так думали и многие из его бывших соратников, что давно отошли в мир иной отнюдь не по болезни и уж верно не от старости – ювенильное море вышло из своих берегов, окрасив волны пурпуром закатного солнца...» В России могут шлёпнуть в любой момент и ни одна контразведка мира не в состоянии просчитать, откуда последует этот коварный удар. Болезненные уколы теле и радиосообщений тоже не давали особого повода для оптимизма. Бронированные автомобили, охрана, депутатская неприкосновенность – че-пу-ха! Вон, одного за другим кладут мордой на асфальт!» – Альфади брезгливо откинул от себя последний номер «Известий», лежавший рядом на столе. Привычка покупать газеты закрепилась за ним не зря, чтение как правило отвлекало, давало время сосредоточиться на нужных деталях, а тут, одно к одному... С годами начинаешь понимать, что нет ничего страшного в том, что ты уйдёшь. Размазанная по кубу, твоя жизнь представляет собой очередной повтор чужого эксперимента, не более. Но физика человека так устроена, что он не хочет умирать, а иногда и не может этого сделать. Тогда, в зависимости от того, герой ты или мерзавец, ты будешь казнить себя, или тебя казнят. Боль не длится вечно, вечен позор, напоминающий человеку о том, что он больше не человек. Альфади не мог умереть просто так, как собака! Слишком много он испытал на своём веку, слишком много пережил! «Пережил!» Оказывается, при жизни и такое возможно? Альфади прекрасно понимал, что лингвистические эксперименты хороши, пока тебе не наступили на язык. Или на горло! Кое-кто пытается сделать это уже сейчас, но он предупреждён, а, значит, вооружён! Альфади вдруг захотелось позвонить своему личному охраннику, капитану Воронцову, но он сам, лично, давал ему вчера отгул, клянясь, что не побеспокоит? Однако, надо было поторапливаться с принятием решения, доверенные люди из компетентных органов донесли, что под его комитет копают основательно, но кто именно, как всегда уточнять не стали. Такая игра сегодня пошла, он платит им за информацию, а они забрасывают его шарадами. Прикурив сигарету, генерал положил её в пепельницу и стал смотреть, как она тлеет. Разогнавшись, розовый огонёк стал медленно поедать бумагу, чем-то напомнив Альфади бикфордов шнур, и он вдруг поразился собственной догадке, ведь, время-то было спрятано везде – в запале, в часах, в этой тлеющей сигарете?!

«Наверняка, Свинцов, мерзавец, для килеров своих поляну заготовил уже! И эти тоже молчат... уж больше недели ни одного звонка! Чем не звоночек? Может, стоят сейчас под дверью и считают? Смирение, смиряемость, сменяемость... Страна разбилась на кланы; те, кто зубами помельче, выжидают, кальций внутрь принимают, а эти... – Альфади аж лопатками на спине пошевелил от нехорошего предчувствия, – эти на всё готовы уже сейчас! Иной раз хочется стать маленьким человечком, чтобы не знать, не видеть, не слышать ничего! Но Альфади зашёл слишком далеко со своими людьми – неспроста же у него в одном ящике лежит орден «Красной Звезды», а в другом дарственный пистолет – вилка, братец! Мысль навестить своего дальнего родственника в Греции пришла в голову Альфади спонтанно и тем была привлекательна. Когда ещё его двоюродный брат Йоргос звонил ему из Афин, поторапливал, мол: – «Ты, гамброс¹, поторопись с приездом! В стране грядут нехорошие перемены!» Нехорошие перемены, Жора, это перманентное состояние данного мира! – мрачно вслух пошутил генерал. Он, конечно же, соврал жене, что завтра собирается лететь в Швейцарию, как и абсолютной правдой было то, что его заказали свинцовским уркаганам. Надо было срочно валить из России, причём так, чтобы ни одна душа живая в Москве не знала, куда и когда он исчез со своим бойцами. В России наконец произошло то, чего все так долго «ждали» – при полном попустительстве властей власть сама перестала быть таковой, в конце концов мутировав на клеточном уровне в беспощадного и алчного хищника. «Все против всех!» – таким стал девиз нынешних политиков. Народ тоже испортился, стал жаден и сварлив не в меру; как более мелкий хищник в саванне, стал он подчищать за более крупными своими собратьями остатки несъеденного мяса. Ложь заполонила всё, в стране не стало воздуха от ловкачей и проходимцев, Россия превратилась в перебродившую зловонную массу, замешанную на дрожжах неконтролируемой миграции и вновь воскресшей к кровопролитию новой классовой вражды и религиозной нетерпимости. Вот-вот этот гнойник должен был прорваться. Как «инсайдер», Альфади более менее разобрался ещё в современном внутривнутриполитическом раскладе, но и ему порой бывало невдомёк, откуда что берётся в стране, и кто чем владеет на самом деле. С одной стороны, недавние аресты в аэропортах стали плохим сигналом для коррупционеров, а с другой, окончательно запутали простых граждан, потому что никто уже не в силах был понять – кто арестовывает кого и за что. Аресты, отстрелы, разного рода провокации – это была лишь маленькая толика того, чем жила современная Россия. Больше никто ни за что поручиться не мог. Тем более, за кого-то. Хорошо, если у этого «кого-то» вдруг находился свой доверенный человек или надёжная «крыша». Выглянув из кабинета, Альфади предупредил жену, чтобы та на все звонки отвечала, что его нет дома, а сам, закрыв за собою дверь на предохранитель, прошёл к бару, достал оттуда начатую бутылку вина, налил его себе в бокал, сел в кресло рядом с выключенным торшером, и стал напряжённо думать. Вчера, например, ему приснился сон, вещим его назвать было нельзя, но что-то в нём было такое, что он поневоле стал прокручивать его в голове, пытаясь отыскать в этом невидимую связь между событиями последних дней. Это был бой, начавшийся у афганского города Мазари-Шариф, но потом все его персонажи плавно перенеслись под Питер, в захолустную деревню Малино, где он потерял когда-то пятерых классных своих бойцов. Все ребята были убиты тогда выстрелами сзади, точь в точь как под Мазари-Шарифом. Немного отпив вина из бокала, генерал тут же поставил его на журнальный столик, руки положил на колени, а сам закрыл глаза... Он увидел, как Воронцов и Хлубин метнулись на правый фланг, при этом, как-то странно споткнувшись, Хлубин чуть ли не рыбкой полетел вперёд, в кровь разбивая себе лицо об острые каменные выступы. Воронцов успел проскочить вперёд, так как пули с некоторым опозданием впились в землю, где только что были его ноги. Прошло ещё несколько минут, но Хлубин больше не шевелился, и вскоре кроваво-чёрное пятно из-под его головы стало медленно расползаться по камням. Альфади резко открыл глаза, видение это

¹ жених – Йоргос почему-то называл Альфади женихом.

было настолько реалистичным, что он испугался. Дрожащей рукой включив торшер, Альфади схватил бутылку со стола и уже из горлышка одним махом допил остатки вина.

– «Дурацкий у меня характер! – подумал он, – не привык подставлять!» – найдя мобильник, в базе данных он не сразу отыскал знакомое семизначное число, но и потом ещё долго колебался, никак не решаясь позвонить, потому что чувствовал, что краснеет до кончиков ушей, слушая, как нарочно громко гремит на кухне посудой его жена Лида, было ясно с самого начала, что его срочная командировка в Давос её совсем не радует. «И эта взбунтовалась тоже!» Он не успел подумать о том, насколько трудно ей будет одной без надёжного мужского плеча, и что вряд ли она поймёт, что им с сыном лучше бы уехать на время из Москвы, и что невозможно выразить словами всего того, что делалось всегда без слов... На другом конце провода не сразу взяли трубку, но Альфади узнал этот голос. Скорей всего, это опять был автоответчик:

– «Здравствуйте! Вас приветствует русский филиал корпорации «Ипносфера!» Добро пожаловать в «Бюро путешествий в эфире снов!» После короткого сигнала, пожалуйста, оставьте ваше сообщение!»

* * *

В Грецию прилетели разными рейсами. Первым, как условились, в Афины прибыл его личный охранник Воронцов, но, прежде чем ехать в Глифаду, где в трёх разных частных отелях им «для спортсменов из России» были специально зарезервированы с десятков сравнительно недорогих двухместных номеров, сначала он навестил дальнего родственника Альфади Йоргоса Тацидису, долгое время проживавшего в Каллифее, и только днём позже объявился сам генерал, который, следуя предварительной договорённости, не созваниваясь ни с кем, сразу направился к нему домой, где, «сидя в тенистом фруктовом саду», намеревался «с недельку поуправлять процессом единоначально». Остальные сотрудники «Ипносферы» прибыли в Афины чуть позже с интервалом в несколько дней. Все эти парни были надёжными и проверенными людьми, вместе прошедшими не одну горячую точку. С расселением им даже больше повезло: в целях конспирации их всех разместили в одноместных номерах на побережье знаменитой Марины Вулягменис, на окраине Афин. Именно этой группе спецназа, включая Воронцова, отводилась роль стратегического прикрытия, на случай экстренного возвращения к плану «Х», который предусматривал жёсткий силовой вариант. Словом, все устроились довольно неплохо, жаль, для полноценного отдыха их визит рассчитан не был. Многими годами раньше Альфади и сам не раз навещался в Вулягменис со своей секретаршей, поскольку место это было и впрямь очень комфортным для отдыха, а главное, что до международного яхт-клуба отсюда было рукой подать. Но, так же как раньше, заходили в гавань корабли с проститутками и марихуаной на борту, так и сейчас заходят с тем же самым товаром. Его орлам, впервые прибывшим на Средиземноморье, не составило бы труда затесаться в караване чужих судов; оплатив местечко у пирса, радуйся жизни, или стой себе на рейде сколько душе влезет. Как истинный патриот, единственный, разве, бывший в своём роде сухопутным генералом, Альфади был с детства морем одержим и не его вина, что большую часть своей жизни ему пришлось прослужить со скрипом песка на зубах. Сначала это была Кушка, потом тренировочный лагерь в Монголии, а потом и сам Афганистан... Война незаметно превратилась в бизнес – бумага, чёрт бы её побрал, а сколько силы было в ней!

Днём Афины гудели от солнечного пожара, а вечером, остывая, город расползался в сахарной неге, оставляя голову ясной, а тело готовым к новым испытаниям. Альфади это нравилось. Однако, грекам трудно было отказать в излишней подозрительности. Достаточно было Йоргосу заикнуться Альфади о каких-то подозрительных личностях, якобы, ошивавшихся вчера возле его дома, как всё закрутилось мигом; Альфади не стал ничего проверять; он тут же нажал на секретную кнопку на своём мобильном телефоне, и уже через час с небольшим «эскадрон гусар летучих» вычистил всю округу, казалось, даже обычных прохожих и тех значительно поубавилось перед домом. Сам Йоргос перебрался в Грецию из Грузии в конце 80х после известных событий в Тбилиси. Дела в Стране Советов тогда шли а'пто како сто хиротера (греч. – от плохого к худшему), потому что простым смертным от горбачёвской перестройки ловить было абсолютно нечего, а по Элладе, как когда-то в пределах Земли Обетованной, тогда тоже был брошен похожий клич, целью которого была вербовка своих соотечественников на необъятных просторах стремительно разваливающегося монстра – СССР. Многие тогда поверили эмоциональному призыву греческих властей на воссоединение со своей исторической родиной и, не раздумывая, целыми семьями потянулись на сытый Юго-Запад. Когда у людей отнимают их кровное, не имея чем заполнить образовавшееся пространство, в них до предела обостряется их национальное достоинство. Но простой человек, как балласт; перекачивается с борта на борт, лишь бы государство оставалось на плаву. Приехав в Элладу, первое время многие понтийцы вынуждены были ютиться у своих родственников, или даже спать в палатках на улице или в парках, день за днём безуспешно оббивая пороги местных администраций в ожи-

дании хоть каких-нибудь денежных или моральных компенсаций. Складывалось впечатление, что их там просто не ждали. Частенько случается так с простым человеком, ведь этим миром правят не люди, а деньги на самом деле. Спасибо, Сэмэн вовремя помог с наличностью. Воистину – «отдай и сохранишь!» Дом у Йоргоса был старый, но достаточно крепкий ещё и супротив набившей зоб тесноте российских коммуналочек, жилых квадратов в нём было предостаточно, чтобы разместить на своей территории сразу несколько среднекалиберных семей. К тому же, при сносе, Йоргосу полагалась бы за него ещё солидная денежная компенсация, плюс небольшой заём в банке и, пожалуйста, строй себе новый, если хочешь! До прихода нулевых, в Греции многие так и поступали – столбили себе земли в виде каркасных застроек, реже пустыри, чтобы впоследствии тоже использовать их под застройку. Выгодно было, построив себе небольшую поликатикию (многоэтажку), сдавать её потом жильцам в аренду, или выгодно перепродать другому разбогатевшему страннику. Так было раньше, по-крайней мере. А что касается недавних опасений Йоргоса по поводу странных личностей, крутившихся возле его дома, то тут он, конечно, был прав. Тогда, вместе с первой волной эмиграции, из СССР хлынул в страну и мутный поток криминальных элементов. В такой ситуации оставалось только гадать, когда и по чью душу заявятся очередные отечественные отморозки. «Мэйд ин Раша»! После них никакие Фаньерос (Греко-кипрская мафия) с Коза Ностра рядом не стояли! Так что опасаться в самом деле было чего. На месте уладив одну проблему, Альфади решил не испытывать судьбу и прямо с завтрашнего дня съехать с уютной улицы Ксенофонтос в Каллифее куда-нибудь в ксенодохию (греч. – Гостиница). В Греции многие иностранцы так поступают. А кое-кто и годами не выезжает из гостиниц – сравнительно дёшево, сервис рядом. Так что, и я поживу! – решил Альфади. «А Йоргос здорово изменился за эти годы! – думал он, налегая на приготовленное им кокинисто ме потатес (греч. – Бефстроганов с картошкой), – в нём от грузина, пожалуй, не осталось ничего, кроме чёрных волос, изрядно присыпанных сединой, да этого, выдающегося вперёд орлиного носа, теперь словно ставшего пластмассовым от бесконечных солнечных ванн!» Йоргос раскован, его движения не суетны, Греция и вправду странно действует на людей, здесь они чувствуют себя наиболее защищёнными. В разговоре Йоргос часто перескакивает на греческий, но это не мешает разговору, от этого их диалог становится только более конкретизированным. Йоргос – типичный греческий работяга; с шести утра до месимери (греч. – полдень) он торчит у себя на икодоми (греч. – на стройке), а потом опять едет куда-то на подработку. Зря греков ругают за их праздность, просто таков их менталитет. Взять к примеру Йоргоса, ведь, этого на аркане в бар не затащишь! Этот, настоящий арсенико («мужик» по-русски) – ответственный, каждой драхмой дорожит. «А, правда! – соглашался с ним Альфади, – чего не работать, когда результаты своих трудов можно видеть уже сейчас, а не через сто, или больше лет? Помните изречение: «В Греции – есть всё»? Но не только в Греции есть то, что есть и в любой другой стране мира, в том числе и плохое. Плохое тоже есть везде, и, может быть, в Греции его как раз меньше всего. Словом, Семёну Альфади были понятны его опасения, но было понятно ему ещё и другое – что жизнь далеко не ограничивается тем, что ты элементарно не разделяешь чужого мировоззрения, чьей-то точки зрения. Легче убить, чтобы не спорить. А тут, Йоргос был сам по себе, а Альфади сам по себе. И вот теперь, чтобы как-то поддержать разговор, Альфади сыпал расхожими формулировками про общую справедливость, про то, что рано или поздно в России наступит всеобщее благоденствие, а сам, с тревогой поглядывая в тёмное пространство перед домом, не переставая, думал о том, что все его бредни про справедливость могут закончиться тотчас, с мгновенным взрывом тишины в саду, или с мгновенным исключением сознания. Споря с ним, Йоргос продолжал стоять на своём;

– «Если мы такие умные, чего ж мы тогда так живём хреново? – спрашивает Йоргос, подливая в высокие бокалы ещё холодного пива из маленьких бутылочек «Хайнекен», в его тоне слышится явная издевка.

– Ну, вы-то, греки, наверное, получше нас будете, а? – подхватив налитый ему бокал, Сэмэн недобро щурится в сторону Йоргоса и тот невольно отводит взгляд. Формально Йоргос прав и Сэмэн прекрасно это знает: армию в России обижают, простых работяг обижают. А воровство достигло таких масштабов, что быть не вором сейчас просто не прилично. Где столько черносотенцев по России наберёшь, как это было при Минине и Пожарском? Споели мужичка! А, ведь, были заодно – мясник с дворянином? Альфади закурил, особо не радуясь, впрочем, что эта привычка каждый раз оказывалась сильнее его здравых рассуждений о жизни. «Какие мысли у людей, в таком государстве они и живут! – вдруг подумал он, – а, интересно, удастся или нет обмануть действительность, ведь, «тень падающего дерева» в России частенько оказывалась тяжелее самой тяжёлой бетонной плиты? Если мы хотим выжить, – про себя рассуждал генерал, – то и вести нам себя следует агрессивнее – они там только рожки к своим автоматам пристегнули, а мы уже тут как тут! Ничего, прорвёмся! У него, вон, Серёга Воронцов один чего стоит! И, ведь, не скажешь, что бездушная машина! Интеллектуал! Хотя, и он не бессмертный тоже. Как только закончу одно дельце, отпущу его на все четыре стороны!» – Альфади поёжился; ему впервые стало не по себе от нахлынувшего одиночества. Йоргос, наконец, прекратил суетиться на кухне, тоже сел за стол, за компанию с Альфади закурил свои любимые сигареты «Давидофф». По мере выпитого и съеденного разговор истощался, утром обоим предстояло осваивать новое время жизни.

* * *

Пригород Афин Глифада – настоящий рай для туристов. Европу, конечно, не перещеголяешь, но этот климат! Заснеженные Афины смотрелись бы ужасно! Альфади давно подметил, что его на этой земле часто посещает чувство этакой пресыщенности, когда, казалось бы, ты уже получил от жизни всё, что хотел, и тебе самому теперь не понятно, что же делать с этим дальше. Не зря говорят, что в России жить намного интересней. В каком-то смысле – да, там ощущение незаконченности сюжета автоматически включает твоё воображение, побуждает к действию, заставляет шевелиться. А тут... ну сладкая нега! Почти абсолютная вседозволенность, хотя и в рамках закона, специально прописанного для таких вот, джентльменов, вроде Сэмэна. Почему так? А чтобы с пользой для себя и данной страны пребывания люди не бедные, в общем, не краснея, могли потратить здесь свои или государственные денежки. На самом деле, ни личных денег не бывает, ни государственных. А просто деньги либо есть, либо их нет. У Альфади водится немного, главное успеть войти в этот неформальный фискальный клуб. Всем нравятся закрытые клубы. Если всё пройдёт нормально, генерал обязательно распустит свою команду. На этот раз – окончательно. К обеду все перебрались поближе к Марине Вулягменис, чтобы в ненавязчивой обстановке обсудить текущие дела. Поселившись в отеле «О Илиос», Альфади оставил возле себя охрану из трёх человек, а остальных благословил на праздное времяпрепровождение. Условным сигналом для сбора должен был служить «глухарь», посланный каждому на его вторую симку. Воронцов был всегда рядом и это внушало спокойствие. Пару раз генерал отлучался, чтобы «отлить», и тогда охранник следовал за ним, как тень, успевая отследить ситуацию должным образом. Погода была отличная, настроение тоже, казалось, что могло случиться такого, что всё вокруг вдруг станет несущественным и даже опасным? Трудно всё время находиться в напряжении, когда-нибудь система защиты даёт сбой, и человек попадает. Система всегда сильнее человека, ей неведом страх, апатия или усталость. Система всегда свежа, бодра и востребована. Будучи начеку, в душе Альфади чувствовал себя расслабленно, трудно было, потребляя удовольствия, постоянно хмурить брови и щурить глаз. Генералу надоело часами загорать возле бассейна, и тогда он решил спуститься к морю – искупнётся пару раз и назад. Воронцов последовал было за ним, но на этот раз Альфади категорично pokrutil головой, мол, «не надо». Воронцов позволил патрону удалиться, а сам

осторожно проследовал за ним, на всякий случай. Пальмы, лежаки в несколько рядов, полуобнажённые красотки, чаши бассейнов, всё это было набросано, насыпано господом Богом на данном клочке суши, и был достаточным этот мир, и был осознанным этот час на Земле, никто и не думал печалиться, плакать и, тем более, умирать. Подхватив сумку с причиндалами, Воронцов, не спеша, тоже двинулся по аллее на выход. Выйдя с территории ксенодохио, он пальцем поправил сползшие на нос солнцезащитные очки, жара, запутавшаяся в частых кронах олив, звенела нескончаемой музыкой цикад, а впереди, вся лоснящаяся от пота, маячила крепкая генеральская фигура. Охранник старался идти незамеченным, осторожно маскируясь кустами акаций и прячась за стволами деревьев; массивные, без коры, они словно были покрыты тонкой камуфляжной плёнкой жёлто-буро-салатового цвета. Иногда генерал делал едва заметный поворот головой, будто хотел обернуться назад, но не решался никак. Подхватив сумку на плечо, Воронцов огляделся по сторонам, впереди начинался крутой поворот, за ним дорога резко спускалась вниз. Казалось, ничего странного не было в том, что по асфальтовой дорожке катили угрюмые велосипедисты, а по её обочине брели редкие путники. На вид все они выглядели как обычные отдыхающие, или туристы. Потеряв Альфади из вида, Воронцов всё же не рискнул перейти на другую сторону дороги, потому что тот мог почувствовать слежку за собой и на повороте поймать его «с поличным», оставалось выждать немного, пока генерал пройдёт немного вперёд и тогда он одним броском минует эту мёртвую зону. Выждав несколько минут, Воронцов ускорил шаг, но, едва он миновал поворот, как обнаружил, что на всём её протяжении, а до следующего поворота дорога как минимум тянулась ещё метров сто, не было ни одного прогуливающегося, в том числе и Альфади. Первая мысль была, что он решил сократить маршрут и где-то отвернул на дикую тропу, но позади остались двадцать метров, пятьдесят, а ни одного мало мальски оборудованного спуска Воронцову на глаза так и не попало.

– «Интересно, хрен с горчицей!» – беспомощно крутятся на месте, Воронцов пытался угадать причину его исчезновения, но ни прямых, ни косвенных улик по горячим следам ему тоже обнаружить не удалось. В конце концов, дорога эта примкнула к шоссе и справа внизу сразу открылся большой галечный пляж, отделённый от неё узким мощёным тротуаром, за которым сразу начинался пологий песчаный овраг. Но это был дикий пляж, а гораздо правее его, частично скрытый за густой растительностью, сквозь высокую разделительную сетку виднелся другой пляж, платный: с большими зонтиками от солнца, пластиковыми лежаками, душевыми кабинками и кабинками для переодевания. Странно, что иных подходов, кроме этого, к нему не было? Немного поколебавшись, Воронцов двинул в сторону платного пляжа.

* * *

– «Наконец, он остался один!» – не спеша расстелив полотенце на песке, Семён Петрович, кряхтя, улёгся на спину, а предплечьем прикрыл глаза, так как солнце палило нещадно, вышибая разум. Сквозь щёлочку под очками он смотрел на море, которое так и не стало его. Но, море... Зелёное, роскошное, мирно выбрасывая свои волны на берег, оно дышало такой мощностью, такой правильностью созидания, что Альфади невольно зажмурил глаза от невероятного осознания того, что за зверь покоится с ним рядом. Море – зверь, это чистая правда! Большое и мудрое, оно позволяет людям гладить себя, и не только. Вряд ли море – это часть природы! – подумал Альфади; – скорей, стакан воды часть природы! Море же, это что-то совсем другое, чихнёт оно, и мы все чихнём! Чихнув на самом деле, Альфади невольно усмехнулся этому действию, по всему выходило, что он прав? Медленно повернувшись на правый бок, на этот раз он позволил уже другому зверю – Солнцу, нежно вцепиться в свой бок. Солнце и впрямь сначала брало нежно, губами, но с каждой минутой из-под них всё больше и больше прорастали острые зубки. «Воронцов, наверное, сейчас с ума сходит?» – Альфади сделал

невольный жест рукой к изголовью, но тут же вспомнил, что он не брал с собой ничего, в том числе сигареты. Тут его рука, возвращаясь обратно, наткнулась на что-то тёплое, мужчинам всегда кажется, что это женщина...

– Ку-ку!

Альфади не сразу разобрался что к чему, основательно расслабленное средиземноморским теплом, тело не сразу повиновалось. Приподнявшись на локте, Альфади двумя пальцами взялся за оправу солнцезащитных очков, но снимать их не стал, и без того было видно, что рядом с ним сидит молодой мужчина с крепким загорелым торсом, стильные чёрные очки надёжно скрывали его глаза. С белым полотенцем на руке он был похож на халдея.

– Помнишь меня? – спросил незнакомец.

– Простите? – у Альфади ёкнуло сердце; как бы небрежно брошенное на предплечье, в следующее мгновение белое махровое полотенце над его рукой демонстрационно вздыбилось кверху весьма узнаваемым силуэтом, вне всяких сомнений это был ствол с глушителем. Генерал судорожно огляделся по сторонам – ни-ко-го из охраны! Ирония?

– Не рыпайся! У меня волына! – улыбаясь, сквозь зубы процедил блондин. Альфади закивал, нелепо улыбаясь, как будто сейчас всецело соглашался с ним. Ему ли было не знать, как работают эти молодчики, безжалостные, как рептилии, впоследствии они сами нередко становились жертвами. Но куда девалось всё – владение рукопашным боем, выдержка, самообладание? Видно, уровень грехов в нём стал запредельным?

– Так, не припомнишь никак? – парень осторожно, дабы не привлекать особого внимания со стороны, отнял свою правую руку от песка и, бережно придерживая замаскированное предплечье левой рукой, вплотную приблизившись своими губами к его уху, громко прошептал:

– Может, возьмём помощь зала? Пух! – тут он больно ткнул его стволом в бок, отчего тот словно весь онемел сразу; Альфади представил, как пуля, нещадно деформируя ткани, принялась рыть внутри него свой маленький смертоносный туннель: – «Лучше бы она прошла навывлет, выплюнув из оплавленной раны кусок пережёванного мяса!» – взмолился он, – стало быть, элитный отель, затерянный в оазисах Вулягменис, не смог обеспечить ему должной безопасности? Ну, да... всю жизнь он трудился над чьей-то суетой... Да спрячься ты хоть в самом сердце Амазонки, тебя и там отыщут!» Кажется, парню тоже надоело всё это представление и он с отсутствующим взглядом отсел от Альфади, а потом, небрежно скомкав полотенце вместе с пистолетом, бросил его в открытую спортивную сумку.

– Ладно, не парься! Тебе привет от Рыкова с Воловичем! Царство им небесное! – молодой человек ухмыльнулся, потом обнял колени руками и стал миролюбиво смотреть вдаль, на море. Да, но Альфади был почти уверен, что эта история давно успела бытьём порости? Отыскали, стало быть... Альфади искоса посмотрел на киллера; – Сколько ж их, сорвиголов этих, разбросано сейчас по бескрайним российским погостам? Стало быть, скелет, без малого восемь лет пылившийся в его семейном шкафу, возьми да и выпади? Ну, да, и как всегда он время для этого выбрал не самое подходящее!..1988 год! Пожалуй, это был единственный случай в его военной биографии, когда он лично давал добро на проведение весьма сомнительной, с точки зрения её тактической подготовленности, совместной военно-милицейской операции... Можно сказать, бес его тогда попутал! В России с людьми нередко такое случается. Особенно, в её смутные времена. Полуреальная «Белая Стрела», ставшая производной от детской игры в «казаки-разбойники», теперь вполне осознанно разила налево и направо, а в некоторых случаях убивая и своих тоже. К сожалению, всегда найдутся политики, готовые выгодно спекулировать на этом. Время было смутное и многим тогда казалось, что оно никогда не кончится. А когда дни сокращаются до секунд...

...Операцию назвали «Приваловские миллионы». Кстати, это была их первая с Воронцовым совместная операция. Сам Воронцов тогда только что вернулся из Афганистана, рискуя захлебнуться на гражданке в водовороте незнакомых ему политических тенденций. Но ему

повезло; его друзья из правоохранительных структур не дали ему увлечься полукриминальными заработками на крышевании подонков из бывшего комсомола, что по последнему хрипу Партии бросились с головой в глобальный постсоветский передел. Короче, получилось как в дешёвом водевиле: среди прочих в оперативной разработке умудрились оказаться как те, так и другие. Вчерашние друзья и партнёры в одночасье превратились в заклятых врагов. Стрелять, как следует, они так не научились, а вот пули ловить собственными телами, это да. Альфади в шутку называл такую политико-экономическую сростку в стране «Орденом Тамплиеров». Он объяснял это тем, что нынешняя проблема «отцов и детей» была по-прежнему актуальна с точки зрения двух сторон одной медали. Короче, гопников с Сенной в Питере его сотрудники вели с неделю, а вышли на акул теневого бизнеса. Ну, и как водится, за один раз решили прихлопнуть всех одним большим медным тазом. Тем более что во всех оперативных сводках уже успела пройти информация о гибели ядра этой странной ОПГ в результате гангстерской разборки на Ленинградском шоссе. Местные журналюги изгалялись как могли, давно, видимо, сделав свой выбор в пользу криминальных Робингуудов, а власти нынешней они приказали долго жить. Кстати, бессменным рупором статей подобного рода был небезызвестный тогда ленинградский журналист Иген Т. Т! Это была деза из дез! Никто особо не вникал тогда, так это, или нет. Сегодня не для кого не секрет, что в начале 90х, благодаря атмосфере тотального хаоса, по стране ходили просто несметные суммы «бесхозных» денег. Так вот, одни, умело запруживая эти финансовые потоки, раз и навсегда избавляли себя от материальной нужды, прекрасно понимая, впрочем, что закон их «джунглей» действует только на территории их собственного прайда или матриархата гиен, тогда как другие только и мечтали о том, чтобы вырвать с мясом этот куш у конкурентов. В том бою (а это был самый настоящий бой!) Альфади потерял практически всех своих людей, а предполагавшиеся ими к экспроприации двадцать пять миллионов «зелени» филигранно исчезли с поля боя, как плод больного оперского воображения. По злой иронии судьбы в том бою его группе захвата суждено было столкнуться с противником равным себе во всех отношениях. Сознание противилось признать, что это могли быть их коллеги из параллельных структур. Это когда же все были против всех? В гражданскую? Вчерашнее, сегодня во многом было схожим временем. Тогда тоже морозный воздух революционной вседозволенности провокационно щекотал ноздри незаметно подросшим волчатам. Кто был ничем, вновь собирались реально стать всем. Это они, множа кладбищ города, почти десять лет с каким-то мальчишеским задором распластывали друг друга на улицах и в подъездах, расстреливали в банях, кафе и ресторанах, взрывали в дорогах автомобилях. Но что самое возмутительное, при этом они продолжали писать власти на сапоги!

– «Государство, Сёма, никто не отменял! – любил говаривать его один старый академический приятель; – государства, между прочим, не на ровном месте возникают! От страха! И в первую очередь от страха быть уничтоженными собою! Да, да! Исторически так сложилось, что люди панически боятся друг друга. И только в рамках государственного образования средний человек может чувствовать себя в сравнительной безопасности. Заметь, Сёма! Каким бы ни было оно, но если это угрожает её фундаментальным основам, государство подобно муравейнику немедленно бросается на свою защиту! Говорят, «УГРО» непременно должно угрожать? А для чего, собственно? А для того, Сёма, чтобы в будущем снова претерпевать от него полной мерой! Вот так! Сначала знать, что ты защищён, а потом безропотно класть свою голову на плаху! Парадокс, скажешь?»

С этим трудно было не согласиться. Вот и приходилось каждый раз кому-то брать на себя часть этих самых неблагоприятных дел – всячески оберегать муравейник от напастей. Даже ценой пренебрежения собственными законами. Конечно, это была классическая подстава! Их сначала перестреляли всех, а потом им же самим выставили счёт за понесённые потери. До сих пор поговаривают, что за бандюками стояли очень влиятельные покровители? Куда уж влиятельнее! Многие думали, что «верх» он осязаем, стоит только глаза поднять вверх! А оказа-

лось, что не было его, были лишь таблички с указателями! Общество держится на порядочности, убери её, и сразу всё рухнет. Тогда Альфади не сбежал за границу, как это сделали многие. Бросить своих подчинённых он не мог, не веря, как всегда, что настоящая опасность может исходить только от своих. Успев сгруппироваться, по сути, они были вынуждены занять круговую оборону в одном из провинциальных городов России. Ничего не поделаешь; пришлось поднять под себя весь местный управленческий аппарат, включая МВД и судебную власть, настолько было гнило всё тогда. Имеющего глаза на затылке, часто называют Двудиким Янусом, но время показало, что это было правильное решение, что оно работало на результат. Позже инстинкт самосохранения вынудит многих непримиримых из противоположного лагеря безоговорочно принять сторону более перспективной, с точки зрения динамики меняющейся действительности, альфадиевской команды. Ельцин качался на троне и многие в стране были не прочь ускорить этот процесс. Геронтология – классная наука, но вряд ли она может опереться на тот фактор, что в российской действительности чистота помыслов является стопроцентным залогом здоровья, и уж тем более как-то влиять на продолжительность человеческой жизни в плане её обязательного прироста. Но Альфади был прирождённым стратегом и потому всячески старался окружать себя людьми прежде всего свято верующими в проверенное воинское братство, а никак не корыстолюбивыми гражданскими карьеристами. И вот, спустя почти восемь лет, он сам теперь вынужден был скрываться за пределами родной страны, участвуя в боях пусть и не объявленной пока никем гражданской войны.

...«Странно! – думал он, – ведь, Рыкин с Воловичем предположительно и были теми самыми двумя неизвестными в уравнении, которые, якобы, сорвали банк в двадцать пять миллионов долларов? Спокойно, Сёма! Что-то здесь не так! Если они мертвы, откуда тогда наш гонец?» Киллер сидел молча, почти не шевелясь, но и Альфади тоже сидел, как мумия, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Прошлое отхлынуло в унисон с волной, и тут же мир ожил, зашевелился.

– Я к питерской братве никакого отношения не имею! – сказал парень, по-прежнему не поворачивая головы, – я, можно сказать, могильщик обыкновенный!

Это было забавно слышать, тем более что парень и вправду был немного молод для тех событий. «Сколько бы ему было тогда – лет одиннадцать-двенадцать? Чушь!» Поправляя очки, Альфади улыбнулся невольно, – а... И тут он сам оторопел от неожиданности – незнакомец-то, оказывается, бесследно исчез?! Вернее, не бесследно – после себя он оставил только вмятый песок! Но ни следов волочения, ни того, что обычно остаётся от человека, когда он, поднимаясь с песка, использует разные точки опоры! «Официант» не растаял, не испарился, он – ИСЧЕЗ!!! Когда выключают телевизор, происходит что-то подобное; так цветное изображение за доли секунды маленькой белой точкой тает на чёрном экране!

– Разрешите?

Альфади вздрогнул, из исчезнувшей белой точки вдруг возник капитан Воронцов!

– Ты?!

– Товарищ генерал... Семён Петрович! – присаживаясь рядом на песок, Воронцов точь в точь поворотил сидячую позу «официанта»...

Альфади смотрел на него, открыв рот, и рассеянно потрясал перед собой указательным пальцем...

– Здесь только что...похожий на официанта!

Воронцов напрягся, демонстрируя своему патрону решимость грудью выступить на его защиту...

– Что-то случилось, товарищ генерал?

– Да..., на солнце перележал немного! Вот... думал ополоснуться..

– Так...

– Нет, нет! Пойдём, пожалуй! – генерал встал, на ходу отряхивая полотенце, – а ты как меня нашёл? Я и сам не знаю, как здесь оказался!

– Я шёл оттуда! – уверенно сказал Воронцов, большим пальцем показывая себе за спину.

– Оттуда?! – но Альфади перевёл свой взгляд вперёд, тупо уставившись на высокую огра-
дительную сетку. Воронцов прочёл его мысли:

– Нет, нет! Там вверху идёт дорога, а там... правее, крутой поворот! Там я Вас и потерял!

– Ты что-то путаешь, Сергей! Я шёл...

Недослушав его, Воронцов отрицательно покачал головой.

– Етит твою мать! Так как же я по – твоему оказался здесь?

Воронцов недоумённо пожал плечами.

– Ладно! Пойдём в отель! Всем ребятам сбор!

Глава 2

Три четверти пути

В гостинничном номере Альфади решил устроить своим подчинённым небольшой разнос. Так, для профилактики:

– Так что же, парни! Говорите, куклы из папье-маше рвут нити и оживают? Ну, да! Чья-то жизнь болтается на волоске, а невидимый кукловод дёргает за него? Да, ладно! Не стойте вы как учёные обезьяны из Волшебной Страны Оз! С кем не бывает! Правда, Силуянов?

– Товарищ генерал! Мы сами понять ничего не можем! Просто наваждение какое-то! – пытался защищаться Силуянов.

Альфади прищуренным глазом прошёлся по всем собравшимся.

– Выходит, банда киллеров представлена всего лишь одним действующим лицом, вышеупомянутым «официантом»?

Все молчали, никто не знал, что ответить.

– Воронцов! Наружку пробили?

– Всё чисто, Семён Петрович!

– Да?! А, вот, Касатонов с «четвёртого номера» всё рвёт и мечет! Что-то, видите ли, его нервирует постоянно! Не слыхал часом?

– Скромничает, товарищ генерал! – Воронцов улыбнулся; – климат жаркий, форма одежды – трусы и каска! А ещё стволы с собой приходится таскать повсюду!

Бойцы сдержанно засмеялись.

– Ишь, ты! Заступник отыскался! Ладно! По местам, ребятки! Не дадим себя застать врасплох! А ты, Воронцов, задержись, пожалуйста!

Когда все вышли, генерал продолжил:

– Вот что я решил, товарищ капитан! Команду нашу мы завтра распустим! Да, да! Поедешь со мной в Фейзенхалле? Нет, лучше в Бельгию! В Антверпен! Есть у меня там одна зазноба, на рауте закадрил, «понимашь»! Да, ты не подумай чего! – спохватился патрон; – мы, можно сказать, с ней в прошлой жизни королевской четой были! Небось, слыхал про реинкарнацию?

Воронцов опять пожал плечами; не его это было дело, вникать в чужие амурные дела.

– Что с нашим красавчиком?

– Как сквозь землю провалился, товарищ генерал! Правда... мои ребята срисовали вчера одного... в баре.

– Ну?! – генерал посерьёзnel.

...Вернее, их там было двое... Короче, с ними блядь одна крутилась! Многим эта компания показалась странной!

– Показать можешь?

– Касатоныч... Касатонов говорит, что Славка Тарбеев успел пару-тройку снэп-шотов снять на память... – Воронцов замялся.

– Пару-тройку, говоришь? Ну?! – генерал слегка побагровел, – вызывай Тарбеева! мигом!

– Странно, товарищ генерал! Никто не отвечает! – Воронцов ещё раз глухарнул ему на мобильник, но – тот же эффект!

– Нет больше твоего Тарбеева! Что-то подсказывает мне, что это именно так! Давай-ка присядем! Что-то я устал немного! – опустившись на диван, генерал с удовольствием откинулся спиной назад и закрыл глаза; – Серёга, «четвёртый номер» ко мне! Кстати, с «диспетчером» всё в порядке?

– Так точно! Утром проверял. Он ждёт ваших указаний.

– А, явился? – реагируя на суету, с какой охрана обычно осуществляла мобильную связь со своими собратьями по оружию, генерал энергично обернулся к дверям, хмуро воззрившись на только что вошедшего в номер охранника Касатонова с «четвёртого номера»;

– Ну, ну! Проходи, мил человек! Садись!

– Благодарю! – Касатонов виновато кашлянул в кулак, присаживаясь рядом с боссом на краешек кожаного дивана.

– Слушай! Что это мы все суеверные вдруг такие стали? Свежий воздух, что ли, головы дурманит? А, ну, рассказывай быстрее!

Касатонов посмотрел на Воронцова:

– Товарищ генерал! Предварительный осмотр здания и прилегающей к нему территории ничего не дал. Местные копы проходу не дают; вы же знаете греков! И так косим под отдыхающих, как можем!

– Понимаю, мил человек, понимаю... Что скажешь, начальник охраны? – генерал вопросительно посмотрел на Воронцова, но у того вдруг опять зазвонил мобильник и он снова пулей выбежал в соседнюю комнату, плотно прижимая его к уху. Альфади порывисто встал с дивана, заложив руки за спину, стал нервно расхаживать по комнате...

– Крови на нас нет, а теперь, получается, что и соответствующей аккредитации тоже? Я вас правильно понял, мужики? Серёга, ты где? – Альфади окинул взглядом одиноко стоявшего Касатонова, но тот предпочёл не смотреть ему в глаза.

– Хм! Надо же! И что это я из вас по слову вытягиваю? Касатонов, ты его видел в последний раз?

– Выходит, я, товарищ генерал!

– Но почему тогда босс должен знать больше своих подчинённых? Кто кого охраняет, а?

Но Касатонов стоял молча, справедливо полагая, что иная пауза порой бывает лучше любого детектора лжи: чтобы знать, что думает о тебе другой, умей держать паузу. И не спроста. Дело в том, что они с мужиками нарушили инструкцию, условившись не говорить пока своему начальнику об исчезновении ещё одного из своих сотрудников. И главное кого – его напарника Ивана Гарантовича, опытного и преданного вояки! Гарант успел сообщить только, что сам он направляется к лифту, и что Славка развлекается в баре в компании странных людей, вроде бы в руках у него тогда был тот злополучный «Кэнон».

Вбежавший в комнату Воронцов был не менее озадачен:

– Вот... Какой-то приколист скинул эсэмэску...

– Может, всё-таки, «приколистка»? – по-дружески съязвил генерал.

Воронцов молча протянул ему мобильник. По реакции генерала было видно, что тот тоже слегка опешил, едва прочёл электронное сообщение:

– Та-а-а к! Значит, и в Греции становится по-настоящему жарко? Туристический сезон открыт? Всё равно в войну нам ввязываться сейчас никак нельзя! Примут за русскую мафию, подключится Асфалия (греческий аналог российской ФСБ), слово за слово, хреном по столу! Они буквально все здесь помешаны на русской мафии! – Альфади потянулся за сигаретой, кивком головы подсказывая подчинённым, что ему сейчас нужен огонь прикурить.

– Нужно выждать пару часов, Семён Петрович! Может, что-то новенькое и всплывёт? – Воронцов поднёс к его сигарете зажигалку.

– Так точно, товарищ генерал! – радостно поддержал Касатонов; – мы вчера приватно справки навели по некоторым административным каналам...

– Знаю я ваши административные кан-н-алы! – генерал улыбнулся, выпуская дым.

– Так точно! – оживился Касатонов, – даже прослушку кое-где пришпандорили!

– И?...

– Получается, что кроме нас и офицеров греческой госбезопасности об этом инциденте ещё пока никто и слухом не слыхивал! В сущности, это неплохой шанс!

– Говоришь, ни крови, ни трупа, ничего? Хм! – взявшись за подбородок, генерал хитро прищурил глаз... – верю! Не знаю почему, но верю!...А, может, он того...сам подорвал от счастья? А? Воронцов? Твоё протеже, между прочим!

– Никак нет, товарищ генерал! Славка был... То есть... Ведь, всякое случается...

Генерал нахмурился, удаляясь в собственные воспоминания о прошлом:

– Ты, это...прости, Серёга! У меня у самого сейчас голова кругом идёт. Столько всего за одну неделю! Пожалуй, я пойду прилягу немного. Если что, буди не стесняйся! Кстати! Сегодня какое число?

– 4 апреля, товарищ генерал!

– 4 апреля? Ты в числах чего-нибудь смыслишь? – генерал слабо улыбнулся, за шкуру оттаскивая себя от рубежа, ставшего недопустимым сентиментом.

– Никак нет, товарищ генерал!

– Ладно, идите.

Не знаешь, но зато и не веришь, не просишь, и не боишься. Когда решаешься на что-то, то и в добрый путь. А решимость такая была, тем более что продиктована она была соображениями собственной безопасности. Что там будет завтра, никто не знал.

С утра зарядил обложной дождь, словно небо прострелили из пушки. В Греции зимой такое часто случается, а тут весна вроде?

– «Может, оно и к лучшему? – подумал генерал; – так им будет гораздо легче прошмыгнуть в аэропорт незамеченными. «Салоника», вон, вычислили, как милого! Да и других тоже брали под жабры, когда казалось всё – свобода! Теперь вот нас пытаются бандитами выставить тут и там!

* * *

Из отеля «О Илиос» съехали без шумной ново-русской помпы – на обычных городских такси. Правда, сначала пришлось немного поколесить по Глифаде, и хотя международный аэропорт «Олимпиаки» находился совсем рядом, Воронцов, разбиравшийся в афинской головоломке не хуже самого патрона, решил для отвода глаз сначала скататься до морских ворот страны – Пирея. Пирея – район большой, многолюдный. Затеряться здесь ничего не стоит. За квартал пересев на другое такси, компанией из четырёх человек высадились сначала на прибрежной улочке Периклеос, там для вида посидели немного в маленькой кафешке у воды, выпили по бокалу греческого фραппе со льдом, послушали о чём болтают посетители но, так и не усмотрев в их поведении чего-либо для себя подозрительного, снова поймали такси и только потом на всех парах помчали в аэропорт к регистрации. Хвоста, кажется, не было. Ребята из охраны молодцы; провожали, пока у Альфади с Воронцовым не закончилась посадка в самолёт. Альфади никогда не сомневался в своих парнях: эти в любой момент готовы были вызвать огонь на себя, как тогда, в маленьком селении под Бамутом. К сожалению, это чисто русское качество в последнее время стало сильно отличаться заметным налётом бандитизма. Так диковато время. Но не от этого мир становится более взрывоопасным. Отнюдь. В национальном характере россиян быть лидерами. Их много, и не их вина, что они никак не желают сокращаться до размеров села, спивающегося от привозного пойла. Оттого Запад и потворствует гнилым зубам, что так не по душе ему наша лучистая улыбка. Иногда, в сростке с международным терроризмом им почти удаётся это сделать, и тогда русская нация бродит, выходя за край; она почти срывается в бездну, чтобы однажды вдруг снова предстать пред изумлённым миром в виде своих обновлённых технологий, наряду с чрезвычайно здравым подходом в оценке изменившихся политических реалий. Мало кому на Западе, на Востоке или в Азии, может понравиться это. Трогать Россию нельзя! Россия – это сердцевина мира!

Ребята проверили: всё было чисто. Блондина среди пассажиров также не оказалось. Хотя, что ему стоило, например, радикально поменять свою внешность? Готовый ко всему, в самолёте, как и подобает настоящему профессионалу, Воронцов ненавязчиво изучил пассажиров, отправлявшихся вместе с ними одним бизнес-классом, незаметно обследовал забронированные места на предмет жучков и взрывчатки, и только после этого Альфади смог, наконец, спокойно усесться в своём кресле. Выйти из игры было нельзя, как нельзя выпрыгнуть из самолёта без парашюта. Наши детские игры давно стали прообразом взрослых игр, чреватых преждевременным умиранием организма. Помнишь? Сколько трагедий случалось в маленькой песочнице во дворе перед домом? С годами эта песочница сделалась больше, пока не достигла размеров земного шара. Но и тогда, продолжая расти, она вновь и вновь вынуждала повзрослевших игроков возвращаться к их первоначальному состоянию в оценке окружающей действительности: к той маленькой детской песочнице во дворе перед домом.

* * *

– Пожалуй, в Антверпене задерживаться не станем! – генерал вяло перевалил тяжёлую голову по накрахмаленному подголовнику влево, где сидел Воронцов; – в Амстердам ломанём для начала! Там арендуем с тобой амакси (греч. – Легковушка), и уж потом займемся поиском укромного местечка для рыбалки! – молча глядя на своего телохранителя, он будто спрашивал его глазами: «Греческий не забросил ещё?» Но тот ничего не ответил; за долгие годы партнёрства научился понимать своего шефа с полуслова.

– В Амстердам, где и выпьем за дам! Оттуда до Фейзенхалле рукой подать! Прежде в Бога не верил, а сейчас вот перекреститься хочется! И, знаешь... не могу!

– Всё будет нормально, Семён Петрович! – в минуту опасности Воронцов всегда выглядел спокойным, как удав.

– Твоими бы устами, Серёжа!

Из аэропорта до условного места в городе домчали в одно мгновение. Амстердам встретил беглецов тоже промозглым серым дождём, как будто тот с Грецией составлял единый метеорологический фронт. Но всё равно, от этого город не утратил своей европейской привлекательности. Мощёная синим гранитом, под тихим апрельским дождём городская площадь сияла как новенькая, словно густым фламандским мазком оттеняя неестественную красоту выстроившихся по её периметру величественных сооружений, воздвигнутых здесь много лет назад в замысловатом григорианском стиле. Весь этот сказочный городской ансамбль венчала старая стрельчатая ратуша, вековой патиной своей она как будто недвусмысленно напоминала беглецам со всего мира о таинственной преемственности поколений, однажды принявших своё начало на корабле у Ноя. Удивляли прохожие; похожие на прохожих из старых европейских комиксов, они все спешили по своим делам с высоко поднятыми воротами демисезонных пальто под зонтами, раскрывавшимися из простой дорожной трости. Мир был картинно прост и наивен, сливаясь, может быть, впервые за много лет, он сам испугался этого. Европейцы! Сначала, это стало происходить со Старым Светом исключительно на уровне материально обеспеченного туристического сознания, но позже перемены наметились и в самой философии землян, в особенности тех, кто никогда не был слишком обременён денежной наличностью. Кому было знать, где какой стиль и для чего придуман? И вот, однажды, некуда стало спрятаться заформализованному государственному сознанию. Мир почти объединился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.